

ОГДА они остановились под ближайшим уличным фонарем и его свет упал на темно-желтое, цвета почтовой бумаги, лицо Флореса, мистер Мальто уловил странный блеск в глазах приятеля.

— Поужинаешь со мною? — спросил он. Дом, где мистер Мальто снимал комнату с пансионом, был всего в нескольких шагах.

— Нет, благодарю, — ответил Флорес.

Требовалась какая-то другая приманка. Мистер Мальто вспомнил о пачке «Трибюн», накопившейся у него за неделю.

— Я получаю манильские газеты. Не хочешь ли почитать?

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Флорес.

Планы мистера Мальто рушились. Возможно, Флорес просто не хотел жить в одном доме с ним... Если так, то очень жаль. Одинокие, как правило, поселялись у госпожи Белло; и только Флорес оказался исключением — снял комнату где-то в районе Калле-Реал. В этом городе было заведено собираться в свободное время у кегельбана Рекса или в аптекарском магазине Евангелины; а Флорес предпочитал спускаться каждый вечер к пристани и глядеть на парусники, перевозившие в порт копру с близлежащих островов.

— Ладно, как знаешь... — сказал мистер Мальто без обиды в голосе.

Он поднялся вверх по лестнице, утешая себя мысленно: «Ну что ж, по крайней мере в этом месте я буду один, без лишних свидетелей».

А «это место», судя по альбому с памятными фотографиями, лежащему для всеобщего обозрения в зале, переживало пору своего наивысшего расцвета. Здесь, в альбоме, все лица подряд улыбались. Эх вы, зеленая молодежь: клерки, школьные учителя, инспектора здравоохранения, да и вообще все холостяки, что искали здесь пристанища... И мистеру Мальто захотелось сказать что-нибудь нелестное им — всем сразу.

Дело в том, что в доме были три дочери на выданье, как сообщили ему завсегдатан аптеки Евангелины. А в компании у кегельбана он узнал кое-что дополнительно: две девушки уже сделали достойную партию.

Фе вышла замуж за инспектора общественных работ, а Эсперанса — за чиновника бюро погоды. И, как он сразу понял, не было нужды даже вскользь, между прочим, осведомляться, снимали ли их мужья комнаты у госпожи Белло.

Перед госпожой Белло, у которой осталась только одна Ча-

А может быть, и счастлив, кто знает... Жаль только, что у Флореса нет такой заманчивой перспективы.

Ужин состоял из тушеного мяса, риса и двух бананов. И сюрприз сверх программы — целое блюдо макрели в кисло-сладком соусе. Прислуживала Чарити, а ее мать развлекала мистера Мальто, повествуя о событиях дня.

— Что?! Солдат? Покончил с собой? — удивился мистер Мальто.

Ни в аптеке Евангелины, ни у кегельбана он не слышал об этом, что довольно странно.

Госпожа Белло располагала исчерпывающими сведениями: представьте себе, бедняга сунул в рот дуло ружья и большим пальцем ноги нажал на спусковой крючок...

— Тут замешана женщина, не иначе! — высказал он предположение.

— Рису, сэр? — подошла к нему Чарити.

Он положил себе немного. Его глубоко взволновала эта история с солдатом. Неужели пуля была единственным исходом? Какая нелепость! Мог же быть какой-нибудь другой способ выпутаться из неприятной истории... Госпожа Белло определила трагедию солдата одним словом — малодушие. Мистер Мальто сразу разобрал это слово без обычного переспрашивания.

— Еще рыбы, сэр? — Чарити пододвинула к нему поближе миску с соусом и поспешно разгладила съехавшую было скатерть, отчего цветы на ней, красные и желтые — отвратительные фабричные розы! — показались ему менее отвратительными.

— Меня мама научила делать так рыбу, — добавила с готовностью девушка.

— О, очень недурно! — признал мистер Мальто — правда, без особой убежденности в этом.

Госпожа Белло располагалась от него справа. Ее бесформенная жирная туша почти вся перелилась через край кресла в труднейшем и в то же время очень характерном для нее усилии — нагнуться к уху собеседника, чтобы продолжить свой рассказ. Беда была в том, что она не могла вести нормальный разговор из-за какого-то дефекта в гортани и вместо слов издавала трудноразличимые шипящие звуки.

ЖЕНЩИНА, ГОВОРЯЩАЯ ШЕПОТОМ

Н. В. М. ГОНСАЛЕС

рити — помогать ей вести дело, — маячил трудный год. И он и вправду грозил бы оказаться безрадостным, не будь у нее на худой конец мистера Мальто. Ведь ее младшая, Чарити, выглядела вполне интеллигентной девушкой. Что же касается самого мистера Мальто, то в одном отношении он был совершенно спокоен: в этом доме он будет накормлен и ухожен.

Н. В. М. Гонсалес — известный филиппинский писатель, литературовед и критик, автор книг «Апрельские ветры», «За семью холмами» и других.

— Простите, я не расслышал...— время от времени вежливо говорил мистер Мальто.

Тогда она приближала губы совсем близко к его уху, и шипящий звон пронизывал его до мозга костей. Потом она внезапно откидывала голову назад, чтобы насладиться произведенным эффектом, и начинала довольно кудахтать — так она смеялась. А он в свою очередь произносил многозначительное «О!», как будто хорошо понимал ее нечленораздельную болтовню.

Что ж, вероятно, к этому просто нужно привыкнуть. А сейчас, пожалуй, лучше перейти к своему удобному креслу-качалке в зале, пока мать с дочерью с видом великомучениц, подчиняющихся печальной необходимости, спешат на кухню съесть свой ужин. Только чирканье спички, когда он зажигал сигарету, нарушило тишину. Первая затяжка возвратила его к успокоительной тишине такого же вечернего часа накануне. Но сегодняшний вечер все же чем-то отличался от прошедших, а в окно, что было слева от него, волнами вливалась с улицы влажная духота. Все говорило о том, что и ночь будет очень теплой и душной. Предпочтительнее было бы, конечно, скоротать вечер в свое удовольствие в приятной компании, за оживленной беседой на какую-нибудь актуальную тему.

Госпожа Белло и Чарити, кажется, уже покончили со своим ужином. Он вспомнил про мертвого солдата. Нет, чем слушать госпожу Белло, лучше ударить к себе в комнату и углубиться в работу...

Сейчас шлепанцы прошаркают из кухонной двери и, по всей вероятности, направятся в зал. Один раз мать с дочерью вторглись уже подобным образом в его мысли. Тогда он ухитрился довольно долго поддерживать разговор с Чарити. Девушке было восемнадцать лет, из которых два последних года она провела в школе закройщиц дамского платья в Маниле. Она не была лишена привлекательности, сидела за столом, прямо, и их разделяла только вышитая дорожка и цветочная ваза.

— Когда вы собираетесь открывать свое ателье?

— Все зависит от мамы...

«Как и везде», — думал мистер Мальто. Везде в такой вот воскресный вечер незадачливые

ухажеры приходят в гости к столь же незадачливым молодым девушкам и постепенно увязают в трясине ничего не значащего диалога.

Со стороны он выглядел как кавалер, оказывающий определенные знаки внимания своей собеседнице, хотя на самом деле ничего такого и в помине не было. Мотыльки то и дело стукались о лампу. Многие тут же погибали и падали на вышитую дорожку и ему на волосы — весьма неприятное ощущение. А рядом была госпожа Белло, боком, остороженько поддвигавшаяся к нему, чтобы снова начать шептать что-то на ухо...

Нет, лучше не рисковать!.. Как безумный, ринулся он к спасительному порогу...

Комната его выглядела так же, как и две недели назад, когда он впервые внес в нее свой чемодан. И здесь же ему в первый раз пришлось опробовать новую металлическую кровать. Он нашел, что спать на ней удобно — такая упругая сетка... Правда, потом оказалось, что она скрипит... Но в общем все не так уж плохо, подумал он спустя некоторое время. Еда хорошая, и комната в конечном счете отличная, если судить объективно. Флорес — а ты чем можешь похвастать? Хотя... заманивать его сюда все равно бесполезно. Пусть его живет как хочет...

Работа мистера Мальто — три блокнотных листа, заполнявшие каждое воскресенье подробным планом будущих занятий по истории и гражданскому праву, — ждала его на конторке возле кровати. Но, хотя он настроился поработать, раскрутив поярче фитиль лампы, рассказы госпожи Белло, которые она неизменно нашептывала ему в ухо при каждом приеме отлично приготовленной пищи, стали незаметно овладевать его мыслями.

У нее этих милых историй было сколько угодно, и все страшные, порою ужасающие описания болезней и смертей. Совсем недавно, к примеру, она поведала ему историю одинокого китайца — содержателя тайной опикурильни и одурманенных посетителей этого притона, коломативших друг друга разбитыми бутылками и отравлявшихся с расколотыми черепами на тот свет, бессвязно лопоча какие-то женские имена...

Мало того, что госпожа Белло рассказывала ему подобные ужасы, — все герои этих историй изрекали очень знакомые пророческие высказывания, автора которых угадать при желании было нетрудно.

В этих историях было что-то притягательное и одновременно отталкивающее. Мистер Мальто чувствовал, как все его мысли, помимо воли, устремляются в одном направлении и блуждают где-то между адом и чистилищем. Настроение фатальной неизбежности навевалось каждым словом, которое вышептывала ему в ухо госпожа Белло. Кроме всего прочего, в ее рассказы каким-то таинственным образом вплетались известные ему как преподавателю истории события и факты войн и революций, убийств королей и президентов, падения правительств. Было над чем призадуматься...

Он отложил работу. Погасил лампу.

Сегодня ему постелили свежие простыни, а подушка была мягкой и податливой, как лодочка агар-агара, которым он играл в детстве на кухне у матери. Более заботливая, чем мать, госпожа Белло снабдила его и абрасадором¹ для ног. Не избалованный вниманием, он был приятно удивлен тем, что подушка у него под рукой дышит словно живая. И вдруг поймал себя на том, что ему вроде бы показалось, будто пальцы его осязают не подушку, а что-то теплое, как человеческое тело...

Он беспокойно метался в постели, мучаясь угрызениями совести за то, что унизился до столь недостойных мыслей. Так вот к чему все это велось, оказывается... К женитбе. Все эти разговоры, намеки... Так вот почему госпожа Белло поощряла его все время к откровенности! Девять лет на государственной службе, возможно, текущий счет в страховой кассе... И не о ком заботиться ни в этом, ни в будущем мире... В свою очередь, она рассказала ему все о своем покойном муже, который был полицейским сержантом и достойнейшим человеком. И хотя сержант Белло лично поймал бандита, участвовал в облавах на опикурильщиков и не раз задерживал рыбаков-браконьеров с динамитными

¹ Абрасадор — гредка для постели в виде небольшой жаровни с углем.

шашками в руках, умер он дома, в постели. Но это отнюдь не умалило его многочисленных достоинств и добродетелей в глазах супруги. Выйти замуж вторично? Нет, это ни к чему — она отрицательно трясла головой, всем своим шепчущим телом. Она так и стояла у него сейчас перед глазами, он физически ощущал ее шепот, даже отер уши от воображаемых брызг липкой слюны.

Он снова потер ухо, которое было ближе к накрахмаленной наволочке, будто стремясь отеснить от него все ощущения, которые сосредоточивали его внимание на том, о чем рассказывала госпожа Белло. Долго пытался уснуть. Наконец отшвырнул ногами абрасадор и только после этого погрузился в беспокойный сон... И привиделся ему целый строй гробов, вышагивающих на двух коротеньких задних ножках, с чмо-данчиками, обращенных взором к толстой улыбающейся хозяйке пансиона и хором зовущих: «Флорес! Флорес!»... А отзывался им всем он один, мистер Мальто.

Он вскочил в холодном поту и засветил лампу. Она стала медленно разгораться, ее пузатые стенки отражали дрожащий огонек фитиля. Из этого неверного зеркала на него неузнаваемо глядели затуманенные слезами глаза, а под ними блестел влажный нос. Как если бы он оплакивал мертвого солдата, оплакивал всех потерянных и заблудших, которым нет покоя даже во сне, которых неотступно преследует неумолимая рука судьбы (а может, даже большой палец ноги!), унося их из жизни.

Во всем виноват слишком плотный ужин и удушливый воздух с улицы. Он отворил двери в зал. Там что-то светилось — видимо, туда, где он недавно сидел в кресле-качалке, просачивался из окна рассеянный свет звезд.

На столе — кувшин воды. Рядом — стакан. У него перехватило дыхание. Он схватил этот стакан. Вода, когда он начал ее жадно глотать, блеснула тем же блеском, который он уловил нынче в глазах Флореса...

— Спасибо, Чарити, — сказал он кротко в темноту. — Спокойной ночи!

На развалинах Ктесифона

В ЯСНЫЙ солнечный день взору путешественника, держащего путь из Багдада на юг, открывается удивительная картина: в нежной голубоватой дымке возвышается величественная серая арка. По мере приближения к арке дымка рассеивается, и на 35-м километре от иракской столицы перед ним, как монумент былой славы, во всем своем величии вырастает чудом сохранившаяся до наших дней древняя «Так Кисра» (Арка Хосрова).

В Ираке развалины древнего города Ктесифона, столицы некогда могущественного персидского царства династии Сасанидов, чаще называют «Сальман Пак» — по имени известного персидского военачальника, перешедшего в 637 году на сторону арабской армии под командованием Саад Ибн Аби Ваккаса, сокрушившей неприступный город — оплот сасанидского государства, положив тем самым конец более чем 400-летию господству персов в Ираке.

Построен город Ктесифон был в глубокой древности, когда в III веке до н. э. парфяне завоевали Ирак. Парфянские владыки использовали этот город-крепость в качестве очень удобной в стратегическом отношении военной базы во время своих бесконечных войн с Римом.

После того как в 227 году н. э. на смену парфянам в Ирак пришли персы, Ктесифон был превращен в столицу сасанидского государства. Во время сасанидского правления в Ираке (227—637 годы) город достиг своего наивысшего расцвета. Царем Шапуром I, правившим с 239 по 272 год, был построен огромный приемный зал Белого дворца, от которого и сохранилась арка. В середине VII века, во время правления другого персидского царя, Хосрова I Ануширвана, или, как его называют за его реформистскую и государственную деятельность, Хосрова Великого, Белый дворец подвергся перестройке и стал еще великолепнее. Украшенный драгоценностями и слоновой костью, приемный зал дворца, молва о котором шла далеко за пределами сасанидского государства, прославил его строителей в веках.

«Так Кисра» была построена более 17 веков назад. И хотя часть ее свода обвалилась, она и сегодня поражает каждого своей монументальностью. Высота арки — около 37 метров, ширина — более 25, а толщина стен доходит до семи метров. Даже в 50-градусную жару под ее сводами относительно прохладно.

Существует несколько версий относительно техники возведения этого гигантского, даже по теперешним понятиям, архитектурного сооружения. Одна из версий гласит, что зодчие насыпали огромный песчаный холм, затем этот холм был перекрыт аркой, и осталось только убрать песок. Это похоже на правду, так как в самом деле арка представляет собой единый, без каких бы то ни было подпорок огромный свод. Улетающее ввысь гулкое эхо, отзывающееся на каждое слово, на каждый шаг, таинственный сумрак и прохлада настраивают посетителя на торжественный лад.

Сейчас Ктесифон — любимое место отдыха большинства багдадцев. Генеральный департамент по охране исторических памятников заботливо огородил арку и прилегающий к ней зеленый массив, устроив здесь парк. А на вершине арки гнездятся белые аисты.

ЗИН. МАТЮШИНА

Перевел с английского

Г. Головнев